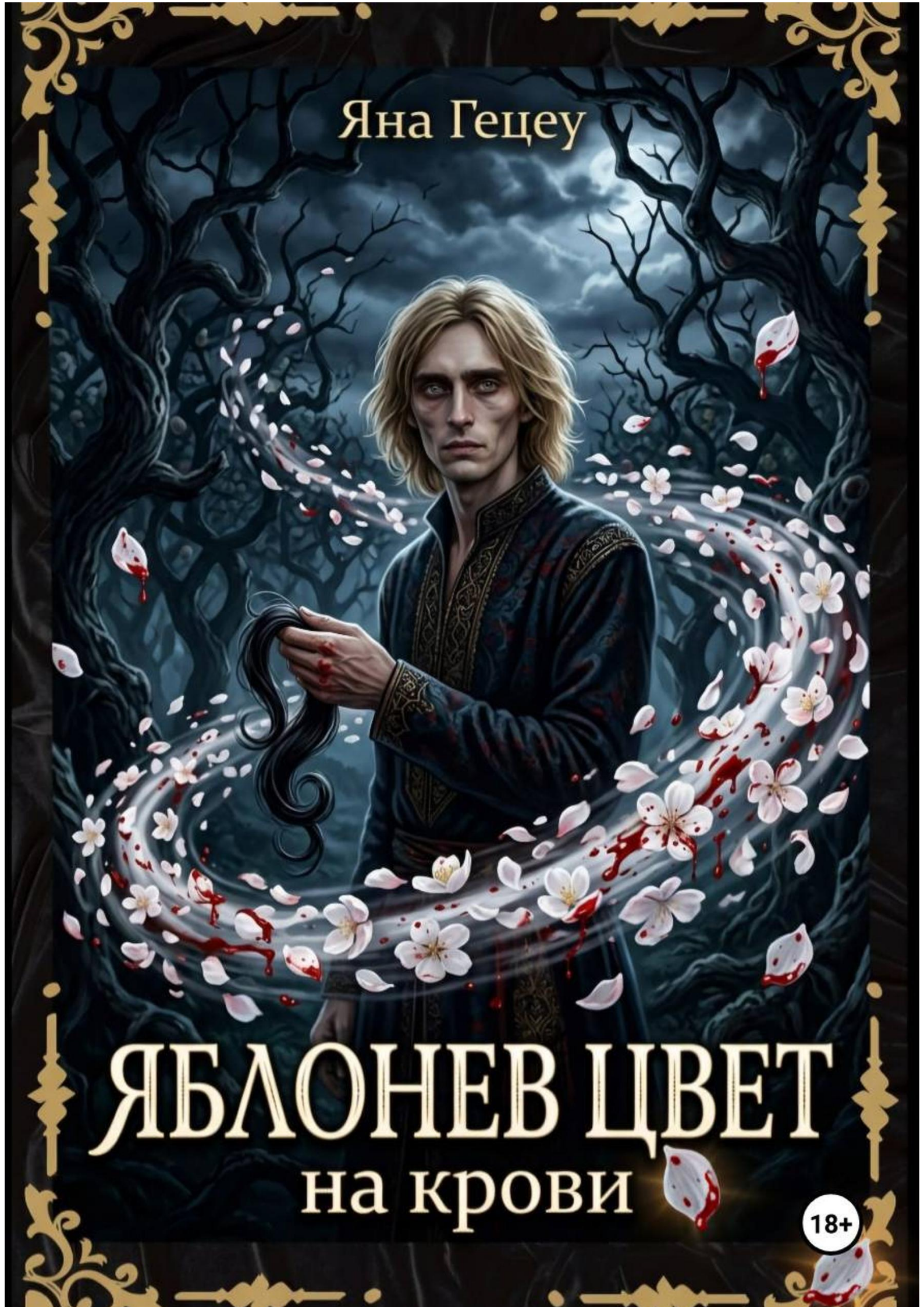

The book cover features a central illustration of a pale man with long, wavy blonde hair and a somber expression. He is dressed in a dark, intricately patterned robe. He holds a dark, swirling, smoke-like or liquid-like form in his right hand. The background is a dark, moody forest with gnarled, leafless trees. A swirling path of white cherry blossoms and petals leads from the bottom towards the center, with some petals having red blood splatters on them. The sky is dark and cloudy, with a faint light source. The entire cover is framed by ornate, golden-brown decorative borders at the top, bottom, and sides.

Яна Гецеу

ЯБЛОНЕВ ЦВЕТ

на крови

18+

Яна Гецеу

Яблонеv цвет на крови

«Автор»

2026

Гецеу Я. А.

Яблонев цвет на крови / Я. А. Гецеу — «Автор», 2026

Гоголевщина. Гримдарк. Карпатские стригои. Последствия плена. Украинская деревня. Пост-военный ПТСР. Андрей, самый красивый легион на деревне вернулся с плена упырем Сохранить в себе человека или поддаться голоду?

© Гецеу Я. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Андриев голод	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Яна Гецеу

Яблонев цвет на крови

Пролог

Nu căuta mântuire în brațele nopții, căci noaptea nu are milă, ci doar stăpân. Не ищи спасения в объятиях ночи, ибо у ночи нет милосердия, а есть только хозяин.

— Вы — отпетая солдатня, — грубо отрезал Градан, стягивая когти на плече Мирко. — Вам не привыкать выкупать самих себя у смерти любой ценой. Убейте, украдите, разорите, но теперь — не во имя воинской чести. Не во имя меня. А во имя себя самих! Самая ценная добыча теперь — ваше сердцебиение. Ваша душа в теле. И цена каждого вашего дня на земле будет такова: вы будете искать, метить и приносить нам жертвы. Вместо себя. Моему Дому.

"Градан. Морок Железного Пика". Яна Гецеу.

Ах, как дышит майская ночь в карпатском пограничье! Разливает щедрым черпаком густое, чарующее варево из аромата белых лепестков, живой земли и соловьиного исступления, от которого в жилах закипает хмель. Сады стоят, словно засыпанные снегом, и снег этот жаркий, дурманивший. В такую ночь кажется, что сама земля под ногами ворочается, как живой зверь, и за каждым кустом сирени прячется кто-то, чье имя грешно произносить вслух, и сладко тянет позвать, согрешить — слышишь меня, зверь мой, здесь я, тебя жду!

Домника лежала под старой яблоней, и белые лепестки осыпались на ее расшитую ию, словно ледяные поцелуи призраков. Она не слышала ворчания мачехи Ганны, не помнила страха, что колючим кустарником рос у деревенского колодца. Что ей были шепотки старух о нечисти и проклятых казаках, когда в ее чреслах поселился дог — та самая неизбывная тоска, что жжет сильнее крапивы? Она ждала его, забыв о Боге и о стыде, чувствуя, как внутри все плавится и дрожит от одного предвкушения.

Он возник из тени, бесшумный, как туман над кладбищем. Андрий. Лунный свет скользнул по его лицу, и Домника задохнулась: словно с потемневшей иконы, изможденный, тонкий, с огромными глазами, в которых плескался лихорадочный, темный блеск, он ворожил ее и манил на погибель. Казак был страшенно красив той красотой, от которой хочется одновременно плакать и сойти с ума.

— Пришла, — прошелестел его голос, прохладный, как майская роса.

Андрий опустил перед ней на колени. Его бледная, худая рука — рука ангела, не знавшего милости — медленно, почтительно подняла край ее тяжелой юбки. Домника вздрогнула, по коже побежали мурашки, холод его пальцев обжег сильнее всякого огня. Она смотрела в его бездонные синие глаза и чувствовала, как по телу разливается жаркая, постыдная слабость.

Его губы, тонкие и прохладные, коснулись ее кожи, забирая последний выдох. Он не спешил брать ее, не осквернял грубой силой, но его ласка была такой, что дивчина готова была молить о смерти, лишь бы это мгновение длилось и не обрывалось, не исчезали бы эти ледяные руки, это лицо святого и жуткий, сладкий стон ее же сердца.

— Пей... — выдохнула она, выгибаясь в его руках, и сама рванула ворот рубахи, открывая ему грудь.

Андрий замер. Он не тронул шею — не хотел оставлять след позора, которое углядят бабы у колодца. Его острые зубы, словно шипы дикого терновника, пронзили нежную плоть там, где под сердцем билась ее горячая, живая кровь.

Когда он испил первый глоток, Домнике показалось, что небеса рухнули на брошенный белый сад. Ждалось ей боли, а пришло ослепительное, невероятное блаженство, от которого темнело в глазах и немели кончики пальцев. Она чувствовала, как ее сила, ее девичья жизнь

капля за каплей перетекает в него. Чувала девка, как вродливец ее ледяной теплеет, как он расцветает, насыщаясь ею. В этот миг ей не нужно было ни рая, ни спасения. (*Вродливец - красавец).

Над ними иступленно заливался соловей, а яблони осыпали их своим цветом, укрывая тайну, дышащую яблоневым медом и свежей кровью.

Глава 1: Андриев голод

А началось все тремя неделями раньше, когда соловьи едва очнулись от весеннего морока, а в садах только-только начал вязаться яблонев цвет...

Никто в селе не запомнил, в какой именно миг он появился. Казалось, закатное солнце, догорая кровавой полосой над лесом, просто выплеснуло его фигуру на пыльную дорогу. Андрий шел медленно, и тень его, длинная и изломанная, ложилась на плетни, точно черная трещина.

Еленка, завидев мужа у калитки, охнула и выронила ведро. Тяжелая волна парного молока белым, жирным пятном поползла по притоптанной земле, впитываясь в пыль, точно несбывшаяся надежда.

— Ох, матушки... — прошипела бабка Матрена, шедшая мимо с охапкой хвороста. Она замерла, вцепившись в плетень, и глаза ее жадно блеснули. — Пролила... Дурной знак, Еленка! Смертью пахнет такое молоко.

Еленка дрожащей рукой перекрестилась, а старуха не стала дожидаться ответа. Она припустила по улице, едва не теряя хворостины, чтобы поскорее разнести весть: Андрий с сечи воротился! Да только не радость принес, а холод, от которого даже майский вечер стал колючим.

Андрий вошел во двор, не глядя на жену. Он сел на скамью у входа, положив костлявые руки на колени, и замер, уставившись в одну точку. Лицо его, худое до синевы, напоминало маску, вырезанную из мертвого дерева. Еленка бросилась к нему, зарыдала, обхватила его колени, пытаясь нащупать под грубым льном прежнее тепло своего мужа.

— Андрийко, соколик мой... что ж ты молчишь? — причитала она, заглядывая в его пустые, огромные глаза.

Он не пошевелился. Только когда ее слезы промочили ему штаны, он медленно, словно преодолевая тяжесть невидимых цепей, повернул голову.

— Ты бы поспала, — голос его прозвучал хрипло, надтреснуто, будто из глубокого колодца.

Он осторожно отстранил ее, поднялся и, не оборачиваясь, вышел со двора. Куда пошел в такие сумерки? Кто ж его знает! Еленка осталась сидеть в пыли у разлитого молока, чувствуя, как внутри все леденеет. «Разлюбил... — билось в голове несчастной птицей. — Там, на войне, сердце оставил».

И она была права, да только правда эта была страшнее любой измены. Андрий не просто разлюбил — он все потерял: и память о ласке, и вкус к хлебу, и саму душу. Остался только волчий, иссушающий голод, который ни одна молитва не могла унять.

А Домника в этот вечер стояла у своего окна и смотрела, как над лесом встает луна, чувствуя, как в груди начинает ныть та самая тоска, что скоро приведет ее к яблоне на краю кладбища.

Андрий скользил вдоль плетней, точно тать, не тревожа даже придорожной пыли. Сумерки накрыли село, превращая знакомые хаты в причудливые тени, но его взору, привыкшему к мраку Железного Пика, все открывалось в пугающей ясности. Он заглядывал в огорды, где еще недавно цвели первоцветы, и видел не зелень, а само дыхание жизни — шепчущее, теплое, такое желанное!

Он миновал двор тетки Марии, где в хлеву беспокойно топталась скотина, чувствуя нечистого чужака. Прошел мимо дома коваля Степана, где из открытых окон доносился запах свежепеченого хлеба и лилась детская колыбельная. Андрий не остановился, не вдохнул тепла родной деревни. Искал он не этого. Война для него не кончилась — она лишь сменила обличье, превратившись в негласное служение Домнулу Градану, чей плен отпустил его, да недалеко.

Теперь он был ходил на привязи замогильного голода, жадно высматривая где б глотком чужой жизни поживиться.

У самого края околицы он остановился, облокотившись на покосившийся забор. В густой тени сада курил махорку дед Панас, и этот запах — густой, мужицкий, смешанный с теплом живого тела и током крови под тонкой, пергаментной кожей — ударил Андрию в ноздри. Голод, зажженный в нем стригоями, взметнулся в чреве каленым железом. Андрий судорожно сглотнул, чувствуя, как во рту скапливается горькая слюна.

— А что, диду, — голос Андрия прозвучал хрипло, — как живете? Не хворает ли кто в селе?

Старик медленно повернул голову, затянулся и выпустил облако едкого дыма.

— Да как живем... Скрипим помаленьку. Только вот беда пришла, Андрийко. Дочка поповская, Палажка, совсем плоха. Лежит, бедняжка, лихорадкой горит, уж и бабки шептали, и лекаря из города ждали — все без толку! Похоже, заждалась ее земля!

Андрий встрепенулся. Пелагея... Красавица с глазами цвета спелого терна. Когда-то, в другой, залитой солнцем жизни, он мечтал повести ее под венец, подносить ей мед и целовать руки. Теперь же он выдаст ее замуж за саму Смерть.

Слово «свадьба» застряло в горле комом, горьким, как полынь. В памяти вспыхнул грязный, уродливый обряд в Железном Пике — ледяные камни, багровые свечи и тошнотворный холод, когда его самого, сломленного и выпитого, сделали «невестой» кошмара, повенчав с вечной жаждой. Это была его клятва верности, его проклятие, которое теперь он должен был разделить с той, в которую однажды был влюблен больше жизни.

Андрий прикрыл глаза, большие и огромные, чувствуя на себе тяжелый, соленый от жалости взгляд деда Панаса. В темноте под сомкнутыми веками, снова поползли склизкие обрывки того, что в разбойничьем замке Домнула карпатских стригоев называли «свадьбой».

Он снова видел себя, распростертого на холодном каменном столе в по дворе Железного Пика, где воздух был пропитан смрадом застоявшейся крови и животного ужаса. Тени метались по стенам, превращаясь в лица стригоев, которые склонялись над ним, жадные и безжалостные. Они брали его, ломали, точно сухую ветку, и рвали его человеческое естество на куски, пока от прежнего Андрия не осталось ничего, кроме крика, застрявшего в горле.

На его челе горел венок — чудовищная насмешка над венчальным венцом. Колочки терновника глубоко впивались в кожу, мешаясь с восковыми лепестками цветов апельсина, чья сладость казалась блевотной, мешаясь со зловонием вскрытых жил. Каждый шип терновника ставил метку позора, отчаяния, смертельной боли, адского ужаса похуже смерти...

— Занедужил ты, хлопец, — прохрипел Панас, и Андрий вздрогнул, возвращаясь в майскую ночь. — Лица на тебе нет, один прах остался!

Андрий ничего не ответил. Он лишь сильнее вцепился забор, чувствуя, как в груди разгорается голод, завещанный ему Strigoiiul-Înalt, "стригоем-архангелом", как называл это Домнул: тот стригой, которому доставался в «невесты» пленный, тот, кто первым испивал его кровь, «крестил» его под себя. Андрий вздрогнул, прогоняя мороку, огляделся вокруг, хватанул воздуха, не дышавший все это время, пока стоял у Панасова плетня. Теперь он знал, куда идти. "Свадьба" для Андрия так и не закончилась — она только переместилась в поповский дом, где Пелагея ждала своего избавителя, не зная, что он принесет ей не исцеление, а вечную тьму под яблоневым цветом.

— Зашел бы, Андрийко, — Панас махнул рукой в сторону открытой двери хаты, откуда тянуло теплом и духмяным запахом свежей здобы. — Баба моя как раз пирогов с маком и вишней напекла. С войны небось и не нюхал такого?

Андрий замер. Само слово «пирог» показалось ему каким-то иноязычным, пустым, не имеющим веса в его новом голоде. Его нутро, выжженное и перекроенное в кровавых подземельях, теперь отзывалось лишь на один зов. Ему не нужна была сдоба. Ему нужна была горя-

чая, солоноватая жизнь, что пульсировала в каждой жилке, в каждом движении этих беспечных людей.

Однако, дабы не мутить воду, не сеять дурные сплетни, он перешагнул порог.

Баба Панасия, завидев его в дверях, ахнула и выронила полотенце, прикрыв рот ладонью. Лицо Андрия в неверном свете лучины казалось восковым, глаза — бездонными провалами, полными голодного мрака. Невестка Панаса, Маринка, хлопотавшая у печи, так и осела на лавку, побелев лицом сильнее своей муки.

— Замуж вышла, Маринка? — голос Андрия прозвучал как шелест сухой травы по могильной плите. Он судорожно сглотнул вязкую слюну. В его памяти мелькнул обрывок прошлого: когда он уходил, Маринка была еще девчонкой с тонкими косами и смешливым взглядом. А теперь вот сидит — статная, в женском платке, тяжелая от спелой женской силы. Он забыл, чья она жена. Забыл, о чем с ней можно говорить. В его ушах стоял лишь нарастающий, оглушительный шум голода — так гудит зимний лес перед бурей. Этот шум заглушал и приветствия деда, и охи бабки. Андрий видел только изгиб Маринкиной шеи и слышал, как быстро-быстро бьется ее испуганное сердце под холщовой рубахой.

— Свадьба... — повторил он тише, и в этом слове снова отозвался смрад Железного Пика и боль тернового венца.

Он стоял посреди хаты, жнец кошмара, запертый в теле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.